

В. В. Бочаров

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6654-3006
E-mail: victana2007@rambler.ru

Об истоках современного революционизма – «африканский архетип» (антропологический подход)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу феномена революционизма, который сегодня носит перманентный характер прежде всего на Востоке (в широком понимании или как на *периферии*), его принято называть «цветным». Политологи предпочитают объяснять его происхождение преимущественно внешними факторами, чаще всего «мировой закулисой», действующей по инструкциям Дж. Шарпа. Автор считает, что роль внешнего фактора действительно велика, однако существуют глубинные внутренние причины, уходящие корнями в фундаментальные основания социальности, как социобиологической субстанции. Иными словами, феномен революционизма связан с конфликтами, возникающими вследствие нарушения гармонии между социальным и биологическим при распределении властных ресурсов среди возрастных поколений. Анализируется социальная организация этнической группы *оромо*, построенная на системе так называемых возрастных классов (*гада*), которая впервые была описана монахом Бахреем в XVI в. Именно эту историческую модель можно с полным основанием считать представленным в различных культурах инвариантом универсального принципа. Внутри нее выявляется социально-возрастной конфликт, который формируется на базе конфликта биологического, присущего прежде всего мужской особи в период пубертата. Данный социально-возрастной конфликт, суть которого состояла в неравномерном распределении властных ресурсов между поколениями, снимался посредством традиции, строго регулировавшей смену правящих поколений с использованием ритуалов перехода. Автор приходит к выводу, что истоки современного революционизма лежат в закодированном в человеческой культуре социально-возрастном конфликте, который реализуется в форме революций в случае несвоевременной передачи власти молодежи старшим поколением.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: традиционное общество, традиционные культуры Африки, колониализм, возрастной конфликт, революционизм, оромо

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Бочаров В. В. Об истоках современного революционизма — «африканский архетип» (антропологический подход). *Этнография*. 2024. 4 (26): 40–73.
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-40-73

V. Bocharov

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6654-3006
E-mail: victana2007@rambler.ru

On the Origins of Modern Revolutionism: “African Archetype” (anthropological approach)

ABSTRACT. The article analyses “color” revolutionism, which attain permanent character today. Political scientists explain its origin by external factors, often by the “world behind the scenes”. The role of the external factor is indeed significant, but internal causes rooted in the foundations of sociality also play a role. In other words, revolutionism is associated with conflicts arising in the social organism due to the disrupted balance between the social and the biological in the distribution of power resources between age generations. We analyze the social organization of the *Oromo* ethnic group based on the system of age classes (*gada*), first described by the monk Bahray in the 16th century. This historical model can be considered with good reason as the universal principle inherent in the social fabric of different cultures. It reveals the social-age conflict based on the biological conflict inherent primarily in the male figure during puberty. This conflict gets resolved through tradition, which strictly regulates the succession of generations. Rituals of transition involved music, dancing, singing, and taking oaths, which ensured the internalization of transmitted behavioral norms by the ascending generations. The paper concludes that the origins of modern “color” revolutionism lie in the social-age conflict encoded in human culture, which finds its form in revolutions when power is transferred to the youth in an untimely manner.

KEY WORDS: traditional society, traditional African cultures, colonialism, age conflict, revolutionism, Oromo

FOR CITATION: Bocharov V.
On the Origins of Modern Revolutionism:
“African Archetype” (anthropological approach).
Etnografya. 2024. 4 (26): 40–73. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-40-73

ВВЕДЕНИЕ

В основе статьи лежит идея, согласно которой традиционное общество, будучи базисом социальной материи, содержит в себе свойства, определившие ее особое качество. Они, единожды возникнув, не могут исчезнуть в процессе эволюции, продолжая сосуществовать с вновь появляющейся в ходе данного процесса социальной информацией. Гегель прав, считая, что эволюционный процесс, отрицая прежние формы социального бытия, тем не менее «поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» (Гегель 1937: 34).

Это в полной мере относится и к изменяющемуся в сторону рациональности мышлению человека, сохраняющему при этом иррациональные (магические) пласты: «Миф всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступит тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии»¹ (Cassirer 1946: 277–296).

Действительно, это отчетливо видно в режиме нарастания дезинтеграционных процессов, когда исследователями фиксируется «архаизация» социума, наблюдается как бы возврат к прошлым формам социокультурного бытия. Э. Кассирер пришел к такому заключению, исследуя феномен нацистской Германии: продвинутый во всех отношениях социум (промышленность, наука, технологии, философия) погрузился в царство иррациональности и мистики. Процессы «архаизации», связанные с актуализацией магического мышления, наблюдались в отечественной истории XX в., а сегодня в продвинутых США (снос памятников прошлого, «черно-белое» восприятие мира и пр.) (Бочаров 1992а: 182–207; Бочаров 2007а: 203–217).

Д. А. Ольдерогге в своих лекциях часто называл Африку «музеем человечества». И в самом деле здесь вплоть до Новейшего времени сохранялись простейшие формы социального бытия, которые в соответствии с принятой методологией не могут не содержать в зачаточном виде (в форме «архетипа») того, что сегодня называется революционизмом. Социальная структура доколониальных социумов Тропической Африки отражала изначальное разделение труда по полу и возрасту, поэтому логично обратиться к африканскому материалу в поисках искомого «архетипа».

В статье используются прежде всего материалы по африканским традиционным культурам, которые были накоплены первопроходцами:

¹ Здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи.

путешественниками, торговцами рабами и слоновой костью, миссионерами, а также антропологами в основном Британской школы. Обращение к материалам именно этой школы обусловлено тем, что, проводя колониальную политику косвенного/непрямого управления в своих колониях, предполагавшую использование традиционных (доколониальных) институтов при организации администрирования, англичане силами «государственных антропологов» во взаимодействии с чиновниками инициировали научное изучение упомянутых доколониальных институтов. В основу научных изысканий была положена функциональная концепция, разработанная Б. Малиновским и предполагавшая наделение традиционных (доколониальных) институтов новыми функциями. Предусматривалось, что это позволило бы управлять подданными в интересах метрополии (Бочаров 2007б: 67–85). Этот своего рода научный эксперимент был «обкатан» прежде всего на африканском материале, благодаря чему наука обрела ценнейшие сведения о конкретных формах бытия традиционного общества, присущих ему формам функционирования и социальной динамики.

Статья построена в соответствии с выдвинутым Д. А. Ольдерогге концептом «колониальное общество», предполагающим, что такое общество обладает особым типом социальной структуры (Ольдерогге 1973: 3–11). Специфичность заключается в сосуществовании в рамках государственного образования глубоко отличных культур: рациональной («модерна») и иррациональной («традиционной»). Данные культуры воплощены в носителях: с одной стороны, в интеллигенции, или «образованном классе», с другой — в «народных массах» — носителях мистико-религиозных представлений. Подобная структура характерна практически для всего Востока и обусловлена его отличным от Запада типом общественной эволюции. Восток, по сравнению с Западом, развивается в историческом процессе при решающем воздействии внешнего фактора (заимствование из западных культур), Запад же модернизировался за счет внутренней энергии, высвобожденной при распаде традиционного общества (появление социального индивидуализма, конкуренции и пр.) (Бочаров 2012: 3–14; Бочаров 2011а: 272–283; Гиренко 2004: 472–495).

На основе названных методологических постулатов удалось установить, что, в частности, социально-возрастные конфликты, характерные для ранних стадий бытования социальной материи, во многом продолжают определять физиономию ее последующих эволюционных этапов, постколониального и индустриального миров. Однако данные конфликты, перекочевавшие из традиционного общества в современный революционизм, выступают в политико-культурных формах, характерных для индустриальных (постиндустриальных) систем.

В результате делается вывод, что истоки революционизма Востока не в конфликте «традиционного» и «современного», как это обычно

трактуются, а в конфликте, характерном для традиционного общества, который под воздействием политической культуры Запада разворачивается в свойственных ей рациональных символах.

Поэтому данные революции, фактически погруженные в иррациональные смыслы, имеют обратные результаты относительно целей, которые провозглашают активисты, что неизбежно порождает новый революционный катаклизм, развивающийся под теми же лозунгами.

О «РЕВОЛЮЦИИ» И «ПРОГРЕССЕ» В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Избранная тема обязывает высказаться по поводу настоящего положения в мире, на глазах которого разворачивается «мировая революция». Предыдущая «мировая», датируемая гуманитариями 1960-ми гг., хотя и проходила в различных частях света, не имела конкретного гегемона, программы действий, целей, лозунгов и т. п.² (Айриян, Савчук 2018: 218–225). Сегодня же, когда мир стал «одной большой деревней», «мировая революция», образ которой был создан марксизмом (в соответствии с этим представлением «мировой пролетариат» был призван свергнуть господство «мирового капитала»), вполне может использоваться при описании современных политических реалий. В настоящий момент налицо противостояние между Востоком и Западом, причины и мотивы которого трудно объяснить рационально (экономикой, идеологией, даже цивилизационным или культурным фактором).

Во всяком случае для разрешения имеющих место противоречий необязательно, с точки зрения рационально мыслящих интеллектуалов, прибегать к методам, ведущим к физическому уничтожению либо противной стороны, либо человечества в целом. Именно таким образом рассматривается возможный исход настоящей «мировой революции».

Самый беглый анализ политического дискурса убеждает, что в качестве ключевой ценности в данной революции выступает власть в форме «мировой короны». Вспоминаются пророческие слова Н. Бердяева, произнесенные еще в связи с Первой мировой войной:

Человечество идет к единству через борьбу, распрю и войну <...> Это показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так... (здесь и далее курсив в цитатах мой. — В. Б.). Обнаруживается жизненная несостоятельность таких рациональных утопий, как вечный мир, в этом злом природном мире... (Бердяев 1918: 112, 145).

² О «мировой революции» шла речь среди обществоведов в конце 1960-х гг., когда по всему миру прошли выступления против действующей власти. Это были прежде всего массовые протесты студенчества в Западной Европе, движение хиппи в США, движение шестидесятников в СССР, «культурная революция» в Китае, национально-освободительные революции в Африке.

Представляется, что «самые корни человеческой жизни», исходя из вышесказанного, как раз лежат в «темных» (иррациональных) сторонах власти, определяющих бессознательное стремление людей к господству/доминированию, которое не способна остановить даже потенциальная гибель человечества.

Принято считать, что история помогает пониманию настоящего, но похоже, что справедливо и обратное: настоящее подсказывает нам поиск заложенных в прошлом смыслов, которые реализуются в будущем, причем в таких формах, какие невозможно было предвидеть.

В этой связи тема революционизма выглядит особенно актуальной: она всегда связана с нелегитимной сменой власти (или попыткой таковой). Современная революция — завершающая стадия революционизма, сопровождавшего человечество на протяжении истории. Проанализируем корреляцию между «революцией» и «прогрессом», существующую в современном политическом дискурсе Запада.

Можно констатировать, что привычная для нас корреляция между данными понятиями, окончательно сформировавшаяся еще в эпоху Просвещения, обретает новые смыслы. В частности, «гендерная революция», или кардинальная трансформация человеческой сексуальности, выступает в качестве главного символа «прогресса». В результате население Земли разделилось на «прогрессистов», ратующих за торжество «аномальной сексуальности», отрицающей ее главную, данную природой функцию биологического воспроизводства (гомосексуальность, искусственное изменение физического пола и пр.), и «консерваторов», продолжающих придерживаться «традиционных ценностей» в этом вопросе. К первым относятся неолиберальные элиты Запада, ко вторым — преимущественно элиты Востока, народонаселение планеты.

С философской точки зрения «революционерами» утверждается неизбежность «прогресса», включая мораль и нравственность, что категорически отрицалось либерально мыслящими учеными прежнего поколения, считавшими, что «прогресс» возможен только в технике (Ф. Боас, Л. Уайт и др.)³.

Действительно, в условиях утвердившейся на Западе атеистической картины мира, культ души, свойственный христианству, был замещен культом тела, которое «буквально заменило собой душу в этой моральной и идеологической функции» (Бодрийяр 2020: 167–175).

«Гендерная революция» предполагает равенство всех в выборе физического пола, основываясь на гендерной идентичности, данной индивиду в ощущениях. Свободный выбор гендерной идентичности провозглашается священным правом человека. Сегодня «идеологи революции»

³ Л. Уайт, основатель неозволюционизма, как известно, положил в основание своей парадигмы общественного прогресса именно технологии.

насчитывают несколько десятков гендеров⁴. В общем, свободная личность наделяется правом искусственно менять данный природой пол, вступать в гомосексуальный брак и т. д.

Казалось бы, подобные идеи, еще вчера казавшиеся абсурдом, теперь вошли в актуальную повестку мировой политики, расколов мир на «прогрессистов»/«революционеров» и «консерваторов»/«реакционеров». Умберто Эко, например, и вовсе отождествляет «традиционалистов» с фашистами, «желающими захватить половую сферу»⁵.

Именно гендерная тема впервые продемонстрировала геополитический раскол Запада и России, когда многие западные лидеры отказались посетить Олимпийские игры в Сочи из-за принятого накануне Государственной Думой Российской Федерации «антигейского закона» — закона, запрещающего пропаганду ЛГБТ⁶.

Позиция по поводу гендерного вопроса, оказавшись главным символом мировой революции, отчетливо привязана к украинскому «случаю», который символизирует контрреволюционную борьбу, защиту традиционных ценностей. Даже в США консерваторы палаты представителей Конгресса выступали против очередного денежного транша Украине. Они же инициировали законы, запрещающие аборт, хотя и вызвали гнев «всего прогрессивного человечества» на Западе⁷.

Показателен в этом смысле пример венгерского лидера В. Орбана — редкого контрреволюционера в ряду западных элит. Выступая в США в 2024 г. на митинге в поддержку Д. Трампа, он сказал:

Сегодняшние прогрессисты планируют... отказаться от западных ценностей и создать новый, постзападный мир. Кто остановит их, если не мы? *Идет культурная война*. Необходимо вдохнуть новую жизнь в церкви, институт семьи, университеты и общественные институты... По всему миру прогрессисты твердят, что семьи защищать ни к чему. В Европе говорят, что такого понятия вообще не существует. Любовь отдельно, семья — отдельно... Подведем итог: мать — это женщина, отец — это мужчина. Оставьте наших детей в покое — и точка! Дискуссия окончена!⁸

⁴ ЛГБТ и еще 300 видов гендерных идентичностей — собери их всех! // Куб. 7 сентября 2018 г. URL: <https://kub.media/news/1893-slozhna-pamagiti/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ *Кишиневский Г.* 14 признаков фашизма Умберто Эко // 4brain. 1 мая 2016 г. URL: <https://4brain.ru/blog/14-признаков-фашизма-умберто-эко/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁶ В России признано экстремистским и запрещено.

⁷ *Масленко Д.* Несогласное большинство: что происходит в США после запрета абортов // Сноб. 29 августа 2022 г. URL: <https://snob.ru/society/nesoglasnoe-bolshinstvo-cto-proishodit-v-ssha-posle-zapreta-abortov/?ysclid=ly9qd1n817609020669> (дата обращения: 01.07.2024).

⁸ Виктор Орбан выступил на Конференции консервативных политических действий в Техасе (полный текст выступления) // ИноСМИ. 5 августа 2022 г. URL: <https://inosmi.ru/20220805/orban-255378241.html> (дата обращения: 01.07.2024).

Именно Орбан в начале июля 2024 г., вопреки мнению руководства Европейского союза (ЕС), посетил Киев, Москву и Пекин, пытаясь выработать мирный план.

Интересен в этом смысле и пример Грузии в связи с принятием закона об иностранных агентах. «Революционеры» выступили против принятия парламентом закона об иностранных агентах, на стороне «прогресса» активно выступали ЛГБТ-активисты. Их массовые протесты были поддержаны только президентом Грузии, как известно, гражданкой Франции, а также высокими чиновниками из ЕС, пригрозившими остальным ветвям власти страны серьезными проблемами со вступлением в ЕС в случае принятия «недемократического закона». Однако вскоре, 27 июня 2024 г., парламент Грузии принял в первом чтении закон «О запрете пропаганды ЛГБТ». Конституционное большинство, которое имеет парламент Грузии, говорит о поддержке народом традиционных ценностей⁹. Показательно здесь и то, что полиция, по наблюдениям очевидцев, во время демонстраций «прогрессистов» в Тбилиси уклоняется от защиты ЛГБТ-активистов от насилия со стороны «традиционалистов».

Отношение к «гендерной революции» коррелирует с позицией по Украине. Как известно, Грузия отказалась от поставок оружия, ограничившись исключительно политической поддержкой Украины. Не ввела Грузия и санкций против Российской Федерации, несмотря на известные территориальные претензии.

В общем, прогресс современной «мировой революции» свелся, по сути, к радикальной трансформации человеческой сексуальности, объявленной неотъемлемой частью «прав человека». Теперь «революция» символизируется радужным флагом, который зачастую соседствует на правительственных зданиях с государственным¹⁰.

О ПОНИМАНИИ РЕВОЛЮЦИИ В ЭПОХУ МОДЕРНА

Со времен Просвещения традиция как главная общественная ценность была заменена на Западе «новацией», определяющей общественный прогресс. Буржуазные революции тесно ассоциировались с прогрессом, понимаемым в рамках сложившейся эволюционистской парадигмы общественного развития «дикость — варварство — цивилизация». Действительно, в рамках капитализма Запад достиг впечатляющих результатов во многих жизненно важных областях общественной жизни.

⁹ Парламент Грузии одобрил законопроект о запрете пропаганды ЛГБТ // ТАСС. 27 июня 2024 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21217425?ysclid=ly9qvvdv16686186691> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Посольствам США разрешили вывешивать ЛГБТ-флаг вместе с американским // Телеканал РЕН-ТВ. 24 апреля 2021 г. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/826939-posolstvam-ssha-razreshili-vyveshivat-lgbt-flag-vmeste-s-amerikanskim?ysclid=lyjvg0m5pc852786474> (дата обращения: 01.07.2024).

Революции XX–XXI вв. (социалистические, национально-освободительные, «цветные» или революции Востока в широком смысле слова), проходящие зачастую под аналогичными лозунгами, фактически превращаются в свою противоположность. Вместо материального благополучия — экономическая деградация, вместо «прав человека» — обычное право (неписаные законы, коррупция, nepotизм и пр.), взамен торжества гуманистических идеалов — усиление насилия в общественно-политической жизни. Это обуславливает следующий революционный взрыв практически под теми же лозунгами. Поэтому многие государства Востока пережили не одну революцию. Общественно-политический опыт свидетельствует, что:

— только странам победившего социализма (Россия, Китай) удалось в течение длительного периода просуществовать без революций — во многом благодаря применению властью масштабного насилия в управленческих практиках;

— государства, возникшие в результате национально-освободительных революций и избравшие путь «свободы и демократии» в 1960-е гг., уже к 1970–1980-м гг. в большинстве превратились в военные диктатуры, однопартийные режимы либо в имитационные демократии.

В последнем случае использование насильственных практик национальными элитами в управлении государством не сократилось, а, наоборот, возросло. В Танзании, например, налог, который ассоциировался у населения с колониальной эксплуатацией, не только не был отменен, но и возрос вместе с усилением насильственных методов по его изъятию. Иными словами, если крестьянство восприняло революцию как возможность возврата к доколониальным формам общежития, то элиты, пришедшие к власти, продолжали действовать в логике, сложившейся в колониальное время. Например, в Танганьике, узнав о победе Африканского национального союза Танганьики (TANU) на выборах, люди выступили против политики налогообложения. Старосты, отвечавшие за сбор налога в колониальный период, прекратили поборы, так как тоже расценивали налогообложение в качестве основного инструмента колониальной эксплуатации (Liebenow 1971: 268).

Насилие использовалось властями и при проведении политики Удждамаа (букв. ‘братство’ — суах.). В 1967 г., уже после принятия Арушской декларации, на одном из заседаний районного Комитета развития было решено: «Для выполнения мероприятий, предусмотренных Арушской декларацией, необходимо использовать принуждение», причем в том числе и физическое (Ingle 1972: 94–105). К 1976 г. физическому принуждению отводилось главное место в реализации политики Удждамаа. Чтобы свозить крестьян с разных деревень во вновь созданные поселения, где они должны были трудиться на новых принципах, использовались воинские подразделения (Lwoga 1985: 63).

Р. Ингл приводит следующий случай, свидетелем которого был он сам. Во время общего собрания в одной из деревень Танзании чиновник районного уровня выговаривал женщинам за то, что они не выполнили какое-то указание властей. После этого он спросил: «Вы хотите, чтобы для того, чтобы заставить вас трудиться, мы использовали китако? (название кнута из кожи носорога, который применяли немцы на принудительных работах. — В. Б.)». Из толпы, по свидетельству ученого, слышались крики одобрения (Ingle 1972: 104).

И сегодня экономическое положение африканских государств, большая часть которых пережила многочисленные революции (одно из редких исключений — Танзания), является весьма плачевным, вопреки лозунгам революционеров, сулившим «экономическое чудо».

Революционизм носит перманентный характер, что убеждает в объективной закономерности, характеризующей историческую динамику Востока (периферии). Попробуем сформулировать некоторые закономерности, определяющие восточный революционизм. Сначала перечислим некоторые наиболее частые в научном дискурсе подходы к пониманию революции как универсального явления¹¹.

1. Классовая теория (К. Маркс). Применима к буржуазным революциям («третье сословие» против феодалов), хотя не соответствует реалиям Востока. Социалистические революции возможны, по К. Марксу, только в странах продвинутого капитализма, при развитых буржуазии и рабочем классе. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (1899) старался обосновать возможность социалистической революции в России, опираясь на постулаты ортодоксального марксизма, однако очевидно, что Россия была в основном крестьянской страной (между прочим, это в полной мере относилось и к Китаю), поэтому для Ленина, находившегося в эмиграции, революционные события в Петербурге в феврале 1917 г., как известно, оказались полной неожиданностью. Впрочем, история все расставила на свои места, в результате вместо марксистской версии «цивилизации» (социализма/коммунизма) в России (да и в Китае) возникли азиатско-деспотические режимы, которые просуществовали длительное время за счет использования масштабного внутригосударственного насилия. Однако и они в конечном счете не пережили революционных (контрреволюционных) перемен. Их природа также во многом остается загадкой. Причины революции 1990-х, приведшей к распаду СССР, не смогли объяснить ведущие советологи, для которых, по их собственному признанию, это событие было полной

¹¹ В статье революция связывается со сменой (или попыткой смены) «политической власти, сопровождаемой формальной или неформальной массовой мобилизацией и неинституционализированными действиями, которые расшатывают существующую власть». См., например: (Goldstone 2001). При этом власть не сводится только к политической (институциональной), а понимается в духе М. Фуко как субстанция, присутствующая в каждой клеточке социального (Фуко 1996).

неожиданностью. Показательно и название вышедшей в 1993 г. работы, в которой они попытались осмыслить эти причины, — “The strange death of Soviet communism: an autopsy” («Странная смерть советского коммунизма») (The strange death... 1993). И сегодня аналитики категорически расходятся во мнениях по данному вопросу.

После распада СССР революция стала характерной чертой политических культур стран СНГ. В этом смысле здесь ситуация стала развиваться аналогично процессам, захлестнувшим Восток или страны третьего мира после обретения ими политической независимости в результате национально-освободительных революций.

2. Национально-освободительные революции не являлись реакцией покоренных народов на иноземную эксплуатацию. Нельзя говорить о «национальном самосознании», которое якобы было присуще колониальным народам. Главной формой самоидентификации была не нация, а род, клан, племя, этническая общность. Полевые материалы колониального периода свидетельствуют, что африканцы воспринимали власть «белых людей» с сакральным пиететом, объясняя их достижения в области технологий, медицины и т. п. высоким магическим потенциалом¹².

3. Не находя объективной точки опоры, революции Востока часто увязываются с субъективным фактором, конкретными политическими лидерами, которые наделяются народным сознанием сверхъестественной (магической) силой. После смерти их тела размещаются в сакральных погребениях (Ленин, Мао, Хо Ши Мин, Ататюрк и др.). Действительно, революции порождают подобных лидеров, но не они — революции.

4. В рамках избранной темы особенно интересны попытки объяснить революции биологическими причинами. Это представляется правомерным, учитывая, что человек, как известно, биосоциальный феномен. П. А. Сорокин связывал революцию с «подавлением базовых инстинктов большинства населения» или, другими словами, «подавлением голодом пищеварительного рефлекса» (Сорокин 1922: 272). Идея иллюстрируется обширными примерами из разных эпох (Античность, Древний Восток, Средневековье, Новое время). Вероятно, Сорокин ориентировался на разработки своего современника, знаменитого физиолога И. П. Павлова, доказавшего физиологическую основу психики в своих экспериментах с условными рефlekсами.

Действительно, согласно сведениям антропологов, в традиционных культурах, включая африканские, достаточно широко были представлены

¹² Ср., например: «Но о белом человеке рассказывают столько небылиц! Раньше говорили, что у него нет пальцев на ногах» (Ачебе 1979: 42). Физические аномалии (уродства) увязывались архаическим мышлением с высоким магическим потенциалом индивида (Бочаров 2006а: 172–218; Арсеньев 1991: 65–67).

ритуальные убийства вождей в голодные времена, случавшиеся из-за засух, войн и прочих катаклизмов — считалось, что эти беды происходили из-за утраты вождями магической силы, необходимой для поддержания социальной гармонии. Учитывая, что именно эта функция была базовой для лидера традиционного общества, такого вождя необходимо было заменить на более сильного. Сегодня точка зрения Сорокина выглядит упрощением. Она справедливо критиковалась уже его современником М. М. Ковалевским, утверждавшим, что революции происходят как раз в наиболее экономически благополучные для стран времена, что иллюстрировалось примером Французской революции 1789 г.

Эта мысль подтверждается «цветными революциями», в частности «арабской весной». А. М. Васильев пишет: «Египет не был голодным. В среднем египтянин получал калорий выше общепринятой нормы благодаря субсидированным ценам на лепешки, растительное масло, сахар, хотя, конечно, без европейской доли мяса, овощей, фруктов, молока в диете» (Васильев 2012: 9).

Это же можно отнести и к «белоленточным» событиям в Российской Федерации в 2011 г., которые имели место в довольно благополучные в экономическом отношении времена (Борисова, Манюхин 2016: 129–143).

Тем не менее идея, высказанная Сорокиным, представлена в революциях Нового и Новейшего времени на символическом уровне. Зачастую голод («подавление пищевого инстинкта») провозглашается революционерами как основной лозунг. Это так называемые «марши пустых кастрюль», когда протестующие, преимущественно женщины, иницируют революционные события, выходя на улицы под лозунгом «Нам нечем кормить детей!»¹³

В общем, объяснение П. Сорокиным революций биологическими причинами (вследствие «подавления голодом пищеварительного рефлекса

¹³ Первый подобный марш состоялся, как известно, 8 марта 1857 г. в Нью-Йорке и затем стал отмечаться мировой общественностью как Международный женский день. В XX в. с подобных маршей начинались революции во многих странах мира. Так, под лозунгом «Нам надо кормить детей!» началось свержение режима Чаушеску в Румынии в конце 1980-х гг. (см.: Трифионов Е. «Пробудись, румын!»: Восстание в Брашове. 16 ноября 2020 г. // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/X7LLUvaHL0N-wWM8?ysclid=ly8dp0tyw3843004370> (дата обращения: 01.07.2024). В России события февраля 1917 г., которые описал П. Сорокин, видимо, и послужили зарождению у него идеи «голода» как «фактора» революций, рассматриваемой в качестве универсалии. Он писал: «Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теории. Революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба» (Sorokin 1950: 3). С немалой степенью вероятности можно предположить, что уже тогда «фактор голода» использовался как символ угрозы биологическому воспроизводству человечества в целях политической мобилизации народа. В Новейшее время «марш пустых кастрюль» состоялся в Москве 9 марта 1993 г., в 2007 г. он прошел в Санкт-Петербурге, см. соответственно: Марш «пустых кастрюль» в Москве // Коммерсантъ. 9 марта 1993 г. URL: www.kommersant.ru/doc/41292?ysclid=la6jficug3292217807 (дата обращения: 01.07.2024); «Марш пустых кастрюль» проходит в Петербурге // РИА Новости. 3 ноября 2007 г. URL: <https://ria.ru/20071103/86544077.html?ysclid=la6k17kr90546418489> (дата обращения: 01.07.2024).

большой части населения»), действительно имевшими место в архаическом обществе, впоследствии перемещается в символическую сферу. В данном случае общественная энергия символически ориентирована на защиту «женщин и детей», то есть на устранение преград на пути биологического воспроизводства социума, что было важно для традиционного общества, ориентированного на выживание.

5. Рассмотрим гипотезы, связывающие причины революций с социобиологическим фактором — психологией человеческого организма в пубертатный период, — тем более что это имеет прямое отношение к теме настоящей статьи.

Во второй половине XX в. социологи, философы, антропологи, политологи и психологи проявили особый интерес к феномену конфликта между поколениями. Тема была навеяна мощными протестными выступлениями студенческой молодежи в Европе под левыми лозунгами в конце 1960-х гг. Большинство исследователей видели в тех протестах универсальный для человечества феномен, обусловленный «естественными причинами» и связанный с радикальным поведением молодежи, закодированным в культуре человечества.

Идеолог теории конфликта поколений Г. Маркузе увидел в молодежи главный революционный потенциал своего времени, которым ранее обладал пролетариат (по К. Марксу). Именно молодежь (фрейдовский пролетариат — юноши 17–25 лет), стремящаяся к освобождению от инстинктов, подавляемых культурой, может принести современному обществу, состоящему из людей с одномерной структурой, свободу.

Находясь под влиянием З. Фрейда, по Маркузе, революция освобождает человека от табуаций на глубинные инстинкты, главным из которых является «инстинкт Эроса». Словом, мыслитель трактует современную революцию как «революцию структуры инстинктов», цель которой — отмена табуаций, препятствующих достижению главной цели, а именно — торжеству «принципа наслаждения», символизируемому Орфеем и Нарциссом¹⁴ (Маркузе 2003: 5–250). Однако его идейные наследники («новые левые») ориентировались в своей деятельности на террор, насилие, экстремизм, нигилизм, аморализм, которые впоследствии привели Маркузе к публичному отказу от поддержки данного движения.

Социолог Л. Фойер, анализируя студенческое движение, также считал конфликт поколений универсальной темой человеческой истории, уходящей своими корнями в изначальные черты человеческой природы. Этот конфликт намного важнее в понимании истории, нежели классовая борьба (Feuer 1969).

¹⁴ Обратим внимание, однако, что в традиционном обществе нарушение разных табу, в том числе сексуальных, всегда присутствовало в ритуалах и праздниках (обрядов перехода и др.), сопровождавших кардинальные изменения в социально-политическом статусе индивида (группы).

Этолог К. Лоренц полагает, что вражда между поколениями имеет животное происхождение. Его идея в том, что современным людям не надо преодолевать многочисленные препятствия для обеспечения собственного выживания. Молодежь Запада ориентирована на гедонистическое поведение, которое ведет к духовному оскудению. При этом она отвергает ценности старшего поколения, что, по мнению Лоренца, угрожает прерыванием культурной традиции. Молодые люди «испытывают архаическое инстинктивное удовольствие от племенной войны, направленной против родительского поколения. Ненависть, которую они питают к нам — старшему поколению, — сродни национальной ненависти, самой разрушительной из всех эмоций. Она исключает всякую коммуникацию, что делает ее “слепой” и создает угрозу эскалации вражды» (Lorenz 1970: 333–377).

Ж. Дромель выделяет понятие политического поколения. Господство одного поколения, по Дромелю, продолжается 16 лет, после чего власть переходит к следующему поколению; в течение этого срока следующее поколение завершает свое политическое образование и начинает критику предшественника; социальный идеал нового поколения выше и в каком-то отношении противостоит идеалу предшественника (цит. по: Анохин 2003).

«Цветные революции» Востока XXI в. также связываются с протестным поведением молодежи, агрессивность которой, как мыслится, обусловлена биологическим фактором. Имеется, видимо, в виду пубертатный период, сопровождаемый проявлением таких психологических явлений, как отрицание авторитетов, нигилизм, повышенная агрессивность. «Неспокойность» исповедующих ислам народов, среди которых высокая доля молодежи (15–25 лет), отмечал С. Хантингтон¹⁵.

Сегодня много пишут о «молодежных буграх», с этим феноменом связывают революции в обществах, где высок процент молодых мужских особей. Этому фактору также придают универсальный смысл. Такой точки зрения придерживается Дж. Голдстоун, полагающий, что революции во все времена, включая Новейшее, происходили там, где наблюдаются особо значительные «молодежные бугры» (Goldstone 1991). Идея поддерживается и отечественными исследователями в связи с событиями «арабской весны» (Коротаев и др. 2012: 37–38; Коротаев, Зинькина 2012: 27–39). В частности, приводятся данные по Египту, где из более двух миллионов безработных половину составляла

¹⁵ «В дискуссиях с маститыми политологами Хантингтон предъявляет новые аргументы. Он указывает на то, что в исламском мире высокая рождаемость, там большая доля всего населения — молодежь от 15 до 25 лет, а такие народы очень беспокойны. Ислам — самая молодая из мировых религий, а это подпитывает фундаментализм и тягу к джихаду — священной войне за насильственное обращение неверных (у христианства такой период падал на первые века II тысячелетия — время Крестовых походов)» (Клейн 2014: 374).

молодежь; отмечается высокий процент людей с высшим образованием (43%), что, по мнению авторов, обусловило «малокровность» египетской революции.

Представляется, что сведение причины восточного революционизма к естественным свойствам молодежного радикализма, проявляющегося столь сильно вследствие высокой степени представительства людей молодого возраста среди населения государств периферии, не является корректным. Как правило, когда речь идет о численности «молодежи» в той или иной стране, приводятся данные хронологического (паспортного) возраста, в статистику попадают люди от 15 до 30 лет, иногда верхняя граница доходит до 35¹⁶. Действительно, как утверждают биопсихологи, молодежный радикализм (отрицание авторитетов, негативизм, повышенная агрессивность и др.) свойствен прежде всего пубертату мужских особей от 9–10 и максимум до 20 лет. Словом, число учитываемых исследователями переменных не является достаточным, чтобы вывести из них неизбежность восточного революционизма, исходя из количественного показателя «молодежи» в социуме и без определения самого понятия «молодежь».

Гипотеза заключается в том, что возрастной критерий при объяснении революционизма как универсального феномена действительно имеет место, однако в основе конфликта — не биологические характеристики, свойственные пубертату мужских особей (как это утверждается в названных работах), а *разрыв между биологическим и социальным возрастaми*, разрушающий сформировавшуюся на заре человеческой истории, в процессе становления социальной материи гармонию между ними. Иными словами, за определенным биологическим возрастом утверждалась та или иная социальная позиция, по мере взросления она менялась. Конкретное распределение власти между поколениями зависело от типа хозяйственной деятельности¹⁷. При этом за

¹⁶ Следует разделять биологический, хронологический (паспортный), социальный и психологический возрасты. Биологический возраст определяется состоянием обмена веществ и функций организма по сравнению со статистически средним уровнем развития, характерным для всей популяции данного хронологического возраста. Хронологический (паспортный) возраст — количество прожитых лет, задокументированных юридически. Социальный возраст связан с набором нормативно-ролевых характеристик, производных от возрастного разделения труда и социальной структуры общества. Он определяется путем соотнесения уровня социального развития индивида, овладения им определенными социальными ролями с тем, что статистически нормально для его сверстников. Психический возраст определяется путем соотнесения уровня психического (умственного, эмоционального и т. д.) развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистическим симптомокомплексом (Бочаров 2001а: 16–28).

¹⁷ Власть в нашем понимании не сводится к политической власти. Присутствуя в каждой клетке социального организма, она инкорпорирована в практики, которые совершают субъекты любого статуса и класса, то есть она проявляется в способах говорить, организовывать пространство и повседневность, сексуальные практики и т. д.: «Власть повсюду; не потому, что она всё охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» (Фуко 1996: 193).

каждым статусом закреплялось поведение, которое максимально соответствовало возрастным возможностям индивидов, что гарантировало эффективное функционирование хозяйственного организма, а следовательно — выживание. Таким образом, восточные революции XX–XXI вв. в форме нелегитимной смены власти (или попытки таковой), как предполагается, детерминированы нарушениями биологических (естественных) ритмов, определявших в первичном социуме распределение властных ресурсов между поколениями, что гарантировало социуму устойчивость.

В соответствии с принятой нами методологией сконструируем модель традиционного общества, которое заключало в себе, как думается, потенциал, определивший феномен современного революционизма. Прежде всего оно не было неисторическим, обретшим динамику под влиянием Запада, как это обычно утверждается. Традиционное общество само содержало внутренние противоречия, снимавшиеся традицией. Под влиянием западных культур они действительно пришли в движение, определив историческую динамику общества (Бочаров 1992б: 92–135)¹⁸.

Распределение властных ресурсов между поколениями осуществлялось в пользу старших, это было необходимым условием воспроизводства социальной информации, так как она передавалась исключительно через непосредственный контакт передатчиков (старших) и приемников (младших), что предполагает наличие в обязательном порядке положительного эмоционального климата между ними, то есть абсолютной легитимности власти старших (Бочаров 2006б: 351–357). Главным препятствием для формирования подобного климата (а значит, и передачи жизненного опыта от старших к младшим) был пубертатный статус юношества, который неизбежно порождает эмоции агрессии, негативизма, неприятия авторитетов и т. п. (Выготский 1984). В целях успешного воспроизводства человеческой жизни необходимо было его устранить, для этого были задействованы следующие инструменты.

1. Идеологические инструменты. Прежде всего это культ предков. На протяжении жизненного пути, как предполагалось, индивид вместе с жизненным опытом обретал и силу (сакральную), которая достигала максимума в процессе погребального обряда, когда индивид становился предком. Теперь он наделялся возможностью определять судьбу потомства в посюсторонней жизни. Его воля транслировалась через старших

¹⁸ В главе «Динамика политических процессов в доколониальных африканских обществах» на материалах, собранных первопроходцами и антропологами Британской школы, выявлены конфликты, характерные для африканских культур, определявших динамику традиционного общества. Суть конфликтов трактуется как «борьба за власть», где «власть» понимается широко — в духе М. Фуко, о чем ранее говорилось.

сородичей в процессе обрядов поминовения, осуществляемых ими на могилах предков.

2. Экономические инструменты. Старшие распоряжались всеми материальными ресурсами общины, они контролировали социальный рост молодежи, обеспечивая ее калымом для вступления в брак. Путем брачевания индивид в традиционном обществе обретал социальную полноценность.

3. Канализация агрессии вовне. Это относится к институту набегов на соседей, которые, как правило, приурочивались к обрядам инициации. Юноши, принимавшие в них участие, обязаны были демонстрировать свои мужские достоинства: силу, храбрость, ловкость и т. д., чтобы обрести статус воина. Зафиксированы культуры, где старшие договаривались со сверстниками «враждебного» поселения о возмещении ущерба от набега своих «молодцов» (Бочаров 2001в: 497–532; Ботяков 2001: 194–231). Данный институт, как видно, вполне осознанно перероентировал молодежную агрессию вовне, в противном случае эта агрессия могла быть направлена против традиционных лидеров — старейшин. Кроме того, захваченные в ходе набегов ресурсы (скот, рабы и т. д.) поступали в распоряжение старших, чтобы молодежь не могла использовать их для выплаты калыма и тем самым досрочно обрести полноценный статус, нарушив установленное традицией распределение власти между поколениями. Отсюда в фольклоре многих традиционных культур присутствует идея «Истинный молодец должен быть гол как сокол!»

4. Ритуалы перехода и другие обряды. Ритуалы перехода сопровождали обретение индивидом (группой) социального статуса (рождение, имянаречение, инициация, бракосочетание и т. д., заканчивая погребальным обрядом, знаменующим переход в статус предка). Особую роль играла мужская инициация, посредством которой подростки входили во взрослую жизнь. Женские инициации также имели место, но они не представляли собой столь сложные процедуры, сводились к перемене символов: причесок, одежды и др. У мужчин же обряд длился продолжительное время, от нескольких месяцев до нескольких лет, проходил с использованием традиционных практик (музыка, танцы, клятвы, присяги и т. п.), обеспечивавших бессознательное усвоение молодежью транслируемых ритуалом норм поведения (интернализацию).

Используемые в ритуалах практики, обладая мощным суггестивным эффектом, «снимали» биологический (пубертатный) конфликт, который обретал вид *социально-возрастного* вследствие неравномерного распределения власти между поколениями.

Словом, заложенное в человеческой природе стремление к увеличению власти, которое часть исследователей считает инстинктом, было

урегулировано традицией, жестко сочетающей биологическое взросление с неотвратимым ростом властных полномочий¹⁹.

СИСТЕМА ВОЗРАСТНЫХ КЛАССОВ И «АФРИКАНСКИЙ АРХЕТИП»

Науке сегодня известны многочисленные факты существования в разных культурах мира социального института, называемого «система возрастных классов». В начале XX в. ориенталистами был открыт письменный памятник XVI в. на древнеэфиопском языке «История галла» — хроника событий, происходивших на протяжении ста лет в истории Эфиопии. Впоследствии система возрастных классов была обнаружена у многих народов. Особенно широко институт представлен в Восточной Африке (от Южного Судана, через весь Сомалийский полуостров в область Великих озер и далее — в Мозамбик). Объектами исследований стали оромо, туркана, масаи, нгонде, нуэр и другие этнические образования Восточной Африки. У них социально престижным считалось приобщение к системе возрастных классов. Без этого индивидуум оказывался социально ущербным, неполноценным членом общества, отчасти даже подвергался остракизму. Например, не прошедший инициацию не мог жениться и образовать свою семью и домохозяйство. В этих обществах все подростки, достигнув определенного возраста, собирались в группу и иницировались в первую младшую ступень (степень) возрастной системы. Одна или несколько таких групп сверстников образовывали возрастную класс, который двигался по ступеням возрастной системы, изменяя от степени к степени свои социальные функции по возрастающему социальному значению.

Все члены возрастного класса имеют один *социальный возраст*, хотя их индивидуальные (биологические) — разные. Социальный возраст начинает исчисляться для всех членов группы с момента приобщения ее к системе возрастных классов, формально — с момента инициации «детей» и перехода их в следующий возрастной класс. Единицей измерения социального возраста является период пребывания группы в возрастной степени. У оромо это восемь лет, у масаи (маасаи) — пятнадцать. Таким образом в один класс будут попадать индивиды разного

¹⁹ Представляет интерес точка зрения В. Чалидзе, который связывает властные отношения среди людей с присущим им иерархическим инстинктом (Чалидзе 1991). Предполагается существование в нашем мозге структур, ответственных за наблюдение иерархических отношений. Этологами фиксируется наличие инстинкта власти в животном мире (см.: Дольник В. Р. Естественная история власти // Этнология.ру. URL: <https://ethology.ru/library/?id=62> (дата обращения: 01.07.2024). Например, собаки-самцы имитируют сексуальный акт в стремлении продемонстрировать иерархическое превосходство. И для мужчин сексуальное обладание — это иерархическое достижение, будь то обладание женщиной или мужчиной — достаточно вспомнить отечественный фольклор.

биологического возраста. У оромо, например, в младший класс (дети) попадали индивиды от 1 до 8 лет.

Наиболее ярко социально-возрастная организация представлена в Восточной Африке²⁰. В литературе это описано Г. Шурцом, В. Черулли, А. Легессе и др., среди отечественных исследователей следует отметить работы К. П. Калиновской (1976; 2018), В. М. Мисюгина, С. Б. Чернецова (1978).

В качестве идеального типа (по М. Веберу) я взял оромо с их возрастной системой *гада*. Представленный вариант — реконструкция, осуществленная российскими антропологами-африканистами В. М. Мисюгиным и С. Б. Чернецовым на основе анализа труда монаха Бахрея, зафиксировавшего и описавшего систему в XVI в. (Мисюгин, Чернецов 1978: 184–186). Следы данного феномена фиксируются в Эфиопии до сих пор²¹.

Возрастная система оромо (*гада*) — мужской институт. Все мужское население проходит через пять степеней системы, пребывание в каждой насчитывает восемь лет. Через каждые восемь лет группа меняет свой статус на более высокий, проходя все пять степеней за 40 лет:

первая — до 8 лет; члены этой социально-возрастной группы участвуют лишь в незначительных церемониях;

вторая — от 8 до 16 лет; группа молодых воинов, которым разрешалось общаться с женщинами, но запрещалось жениться;

третья — от 16 до 24 лет; группа старших воинов, которым разрешалось жениться, но запрещалось иметь детей;

четвертая — от 24 до 32 лет; на этой стадии все мужчины подвергаются обрезанию, получают право иметь детей; из числа представителей этой группы избирался вождь, руководивший военными походами, а также хранитель символов власти и глава ритуалов — фактически «правительство»;

пятая — от 32 до 40 лет; старейшины, группа ритуальных отцов, знатоков традиций; они давали общее имя группе, входившей в первую степень системы «гада»; вступающие в «гада» являются сыновьями тех, кто выходит из пятой степени системы, то есть группу отцов от группы сыновей отделяют 40 лет.

Переход от степени к степени сопровождался уже упомянутыми выше традиционными практиками, что обеспечивало эффективное усвоение передаваемых из поколения в поколение поведенческих норм. По мнению В. М. Мисюгина термины родства, использованные

²⁰ Впоследствии и в Западной Африке обнаружено широкое распространение следов социального института систем возрастных классов. Они были найдены у малинке, бамбара, бамилеке, йоруба, яко, фульбе, волоф, ашанти, киси и др.

²¹ Следы этой организации были обнаружены Е. Шурыгиным, аспирантом Восточного факультета СПбГУ, в ходе полевых исследований в 2013 г.

в системе, первоначально имели социальный смысл, хотя во времена Бахрея вследствие усиления кровного родства и развития семьи речь уже шла о кровных родственниках. Вход в систему стал определяться не возрастом, а биологическими отцами, исходя из их желания и материальных возможностей. Отцы же имели корыстный интерес задерживать социальный рост сыновей для дармового использования их труда, плоды которого шли на наращивание собственного престижа (увеличение числа жен). Словом, хотя степени продолжали называться возрастными, теперь в них входили персоны разного биологического возраста, что и фиксировалось Бахреем визуально. В результате возникал разрыв между биологическим и социальным возрастом, когда персоны, достигшие определенного биологического возраста, вместо обретения более высокого социального статуса, предписанного традицией, продолжали «ходить в мальчиках», остро ощущая свою ущербность. Не прошедший инициацию, например, не мог жениться, а брак, в свою очередь, служил маркером социальной полноценности. Обретение брачного статуса увязывалось с выплатой калыма, что не все отцы стремились сделать (к тому же из-за бедности не все вообще имели возможность выплатить калым).

Порожденные разрывом между биологическим и социальным возрастом конфликтные отношения, в свою очередь, вызывали появление индивидов (групп), отягощенных чувством несправедливости. Из сведений информантов колониального периода известно о ритуалах, в которых молодые высмеивали старших (Foner 1984). У ньякьюса, например, разыгрывалась ритуальная война между старейшинами и молодежью во время инициации нового вождя (Wilson 1977), у кикуйю обряд молодежи включал элемент ритуальной узурпации власти молодыми воинами у старшего, уходящего поколения. Есть упоминания и о молодежных «революциях», имевших место в прежние времена²² (Altrincham 1955).

«КОЛОНИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» И СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ КОНФЛИКТ

Влияние европейских колонизаторов сопровождалось обострением заложенных в традиционном обществе конфликтов, которые ранее снимались традицией. В результате разрушалась гармония во взаимоотношениях между поколениями: транслируемые традицией поведенческие

²² Истоки возрастного конфликта поколений обнаруживаются этологами в животном мире: «...постепенно какая-то часть самцов одного возраста создает более устойчивый союз, и тогда они могут покушаться на власть старших. Обычно стадо павианов образует иерархическую пирамиду по возрастному признаку. Но “союзы молодежи” могут изменить ее путем “революции снизу” (Дольник 2004).

нормы переставали восприниматься младшими. Бессознательное их восприятие теперь было невозможно, так как разрушился климат абсолютного доверия между старшими и младшими, при котором это ранее происходило. В частности, у молодежи в новых условиях появилась перспектива социального роста путем обретения образования, поступления на службу в колониальную администрацию. Обретя эти возможности, молодые люди могли выплатить брачный калым из собственных, заработанных на службе средств. Это обстоятельство освобождало молодежь от полной зависимости в этом вопросе от старших.

Новая ситуация формировала в сознании юношества смысловой барьер, который является преградой для суггестивного эффекта, ранее имевшего место, поэтому ритуалы инициации, которые в традиционных культурах выполняли эту роль, в колониальное время не срабатывали. Старейшины жаловались антропологам, что юноши после прохождения инициации перестали следовать предписываемому поведению, хотя ранее «под воздействием действия и слова в процессе ритуала коренным образом изменялось поведение людей после завершения празднества» (Wilson 1977: 68).

Особенно отчетливо данная ситуация была представлена в районах, где европейское влияние было достаточно сильным. Молодежь активно сотрудничала с колониальными властями. Так, старики коса, по сведениям А. Ричардс, постоянно жаловались на то, что «молодежь после инициации продолжает вести себя безответственно» (Richards 1956: 120).

О форме проявления конфликта, имевшего место в культуре ньякуса в колониальный период, пишет антрополог Л. Фоллерс. Он приводит следующий случай: к молодому человеку, получившему образование и ставшему мелким чиновником в колониальной администрации, пришел его отец, чтобы взять какую-то пустяковую справку, и этот молодой человек нарочито воспроизводил в этом взаимодействии поведенческие модели вождя, а отец — подчиненного (Fallers 1965: 198).

М. Вилсон в 1930-е гг. наблюдала картину деградации традиции смены поколений у ньякюса. Социальная организация данной этнической группы была выстроена на возрастных классах. После инициации молодежь создавала собственное поселение, в которое впоследствии заселялись их жены. Смена поколений осуществлялась вместе с заменой вождя. Прежний лидер, покидая свой пост в соответствии с традицией, передавал его вождю восходящего поколения.

М. Вилсон видела, как прежний вождь вопреки традиции оставался у власти. Будучи уже стариком, он продолжал жениться на девушках, предназначенных для представителей молодого поколения. На вопросы исследовательницы о незавидной судьбе его сорокалетних сыновей он отвечал: «Они еще мальчишки» (Wilson 1977: 85–88). Подобное стало возможным из-за колониальной политики англичан,

заинтересованных в том, чтобы лояльный им вождь продолжал править. Вожди же использовали эту ситуацию, чтобы продлить свое привилегированное положение. Брак в данном случае сигнализировал о его «социальном омоложении», а значит — о его легитимности (Бочаров 2011б: 99–117).

Из воспоминаний губернатора Кении лорда Алтринчама известно о выступлении молодежи лумбва, которая перестала подчиняться старшим и «создала свое правительство». Вождь лумбва обращался к губернатору с просьбой оказать помощь в усмирении молодежи. В данном случае мотивом для выступления тоже послужило нарушение традиционных норм поведения лидерами, которые, в соответствии с распоряжением колониальной администрации, запрещали юношам совершать набеги на масаев. В результате этих событий лумбва, по словам Алтринчама, находились на грани войны с масаями. Губернатор обращал внимание английского правительства на то, что одной из основных задач управления в колонии является нейтрализация молодежи, у которой «бунт в крови» (Altrincham 1955: 104–106).

В качестве оппозиционной силы вождям в их борьбе за сохранение привилегий выступала народившаяся африканская интеллигенция. Это была молодежь, получившая образование и ставшая мелкими чиновниками в колониальной администрации. Возвысившись таким образом над традиционными лидерами (старейшинами), они стали ощущать свою неполноценность уже в бюрократической иерархии, так как высшее чиновничество рекрутировалось из европейцев. Интеллигенция стремилась в процессе своей борьбы за власть к овладению той бюрократической иерархией, которая была создана колонизаторами. Они стали активно бороться против «традиционных вождей», занимавших довольно высокое место в системе «туземной власти», созданной англичанами в рамках «косвенного управления». Отношение интеллигенции к вождям, сотрудничавшим с колониальной администрацией, официально было сформулировано в 1958 г. на конференции африканских народов в Аккре, где вожди-коллаборанты были определены как реакционная сила, фактически поддерживающая колониализм, а поэтому подлежащая уничтожению после обретения независимости (Herzog 1975: 313).

Именно интеллигенция стояла у истоков антиколониального движения на Востоке. Здесь повсеместно возникают политические партии и движения, в названия которых включен возрастной компонент: «младотурки», «младоалжирцы», «молодые кавирондо», «молодой Китай» и многие другие.

В общем, под воздействием западной культуры, социально-возрастной конфликт трансформируется в конфликт между интеллигенцией (социальной молодежью) и колониальной властью. Его разрешение привело к национально-освободительным революциям.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И ВОЗРАСТНОЙ КОНФЛИКТ

После обретения политической независимости конфликт переместился в сферу властной вертикали, которая повсеместно на Востоке является главной интегрирующей силой государства, будучи источником «богатства» и престижа. Пропуском в бюрократическую иерархию служат диплом о высшем образовании и принадлежность к правящей партии. Получение образования населением Востока отождествляется с обретением неких сверхвозможностей (магического потенциала)²³. Еще в колониальное время африканцы обращались к школьным учителям, чтобы те сняли колдовские чары, вера, в которые не угасла и сегодня. Образованные люди благодаря такому (магическому) отношению к образованию, материальным символом которого стал диплом, активно втягивались в политическую деятельность. В результате на местах учителя представляли реальную политическую силу, способную оказывать воздействие на поведение людей. Так, в 1963 г. учителя составили оппозицию партии «Африканский национальный союз Танганьики» (TANU) на выборах в местные органы власти в Танзании и победили в местах проживания народностей чагга и бахайя, наиболее развитых в социально-экономическом отношении. Столкнувшись с этим фактом, правительство аннулировало результаты выборов, а учителям впредь было запрещено заниматься политической деятельностью (Hyden 1968: 133).

Этим же объясняется «дипломная болезнь», широко представленная на Востоке (Бочаров 2001б: 39–88). Под давлением веры населения в силу образования элиты активно развивают соответствующие институты вопреки реальным нуждам государства в специалистах высокой квалификации. В результате формируется повсеместное перепроизводство интеллигенции («невостребованных умов»), на дрожжах которых вызревают революции. Революционеры искренне убеждены, что все беды из-за несменяемых «малообразованных стариков во власти», заинтересованных только в личном обогащении посредством коррупции, nepотизма и пр. (именно призывы к борьбе со всем этим начертаны на лозунгах «цветных революций»).

Словом, конфликт поколений переносится на вертикаль власти, которая как в Африке, так и на всем Востоке является стовым хребтом государственности. Так, молодежь одного из районов Танзании жаловалась, что молодые люди не могут быть избранными руководителями ячеек и сменить на этой должности старшее поколение, поскольку выборы не проводились в течение десяти лет (Mosha 1976: 25). Такие же противоречия дают о себе знать и на высших этажах управления,

²³ Неофициальный титул «учитель» присваивался большинству властителей Востока. Обладал им и президент Танзании (суах. *Mwalimu* — ‘учитель’).

обуславливая в значительной мере ту бурную политическую динамику, которая наблюдается после получения колониями независимости. Как правило, смена власти носит насильственный (революционный) характер. Однако, придя к власти, революционеры дотошно воспроизводят прежний поведенческий алгоритм, а затем зачастую сметаются следующим поколением революционеров, выступающих под теми же лозунгами.

При этом революционная молодежь убеждена, что исправить положение можно, лишь сменив верховного правителя. Л. Киндрова, наблюдая развитие политических событий в Того, тонко подметила настроения в народе:

Перед провозглашением политической независимости народу обещали, что с приходом свободы деньги будут свободно лежать на улицах, конечно, этого чуда не произошло, и тоголезцы, которые еще не поняли, что национальный доход можно увеличивать только повседневным трудом, стали посматривать на своего президента с некоторым недоверием (Киндрова 1985: 35).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Революционизм, широко представленный сегодня в политических культурах Востока, во многом может быть объяснен нарушением алгоритма смены поколений у власти. Этот алгоритм сформировался в период становления социальности как особой формы движения материи. Исследованный нами случай («африканский архетип») — наиболее яркий пример организации властных отношений, представленный этносом оромо. Этот уникальный пример на самом деле универсальное явление, при этом его уникальность заключается в том, что здесь смена поколений выражена в институциональном виде, хотя она присутствует в любой традиционной культуре.

При анализе структуры власти в «архетипе» выявлен биологический возрастной конфликт, связанный с пубертатом прежде всего мужских особей, который порождает агрессию, неприятие авторитетов, нигилизм и пр. Данный конфликт снимался традицией, что было важно для воспроизводства жизни. Однако этот конфликт превращался в социально-возрастной, суть которого — в неравномерном распределении власти и престижа между поколениями. При этом биологическая составляющая конфликта всегда продолжает существовать в латентном виде.

Мы видели, как в системе *гада* данный конфликт обнажался, порождая чувство несправедливости, предположительно, у персон, относившихся к разным возрастным классам, хотя имевших один возраст в биологическом смысле (это фиксировал еще Бахрей). Это, по всей видимости, происходило

из-за бедности отцов, которые не могли обеспечить сыновьям своевременный переход в соответствующий биологическому возрасту класс. Налицо конфликт между социальным и биологическим возрастом, остро переживаемый индивидом как несправедливость. Почему остро? Многое указывает на то, что феномен власти имеет все-таки инстинктивную природу, о чем шла речь выше. Действительно, когда видишь двух детей пяти-шести лет, спорящих, кто главнее: Пушкин или Лермонтов, подобное понимание власти (иерархического инстинкта) воспринимаешь как неоспоримую данность. Да и современное положение в мире, о чем было сказано ранее, отчетливо демонстрирует, что именно власть, в данном случае — «мировая корона», является сверхценностью, для достижения которой конфликтующие стороны готовы жертвовать человечеством.

Исходя из проведенного анализа «архетипа» следует сделать вывод: устойчивость того или иного государства Востока зависит от стабильности вертикали власти, увенчанной верховным правителем. Именно от способности последнего регулировать данный конфликт путем периодического обновления вертикали с целью нейтрализации внутри нее указанного противостояния зависит устойчивость государства. О неизбежности наступления поколенческих кризисов писал Мао Цзэдун, который, судя по его биографии, обладал мощным иерархическим инстинктом. Его высказывание интересно еще и тем, что, ничего не зная, конечно, о системе «гада» со сроком смены поколений в восемь лет, он тоже называет именно такой период:

Полный беспорядок в Поднебесной ведет ко всеобщему порядку... Это повторяется через каждые семь-восемь лет. Всякая нечисть сама вылезает наружу. Не вылезать она не может, ибо это определено ее классовой природой... Сейчас наша задача состоит в том, чтобы во всей партии и во всей стране в основном (полностью невозможно) свалить правых, а пройдет семь-восемь лет — и снова поднимем движение по выметанию нечисти: впоследствии еще надо будет много раз ее вычищать (цит. по: Панцов 2007: 671–672).

Это письмо он написал в Ухани, куда приехал в самом конце июня 1966 г. В общем, представляется, что Мао описывает закономерность возникновения поколенческих кризисов, используя, правда, марксистский политический словарь.

Устойчивые государства Востока, просуществовавшие десятилетия, характеризовались способностью верховной власти предотвращать конфликт, осуществляя смену поколений. И. Сталин, например, периодически «давал дорогу молодым», репрессировав старшее поколение чиновничества. Мао Цзэдун отстранил от власти старшее поколение бюрократов

руками хунвейбинов («революционной молодежи»), тем самым укрепив существующий режим. Лидер Танзании, наиболее стабильного государства Тропической Африки, призвал в 1970-е гг. чиновников своего аппарата добровольно уйти в отставку и уступить дорогу молодым, ссылаясь при этом на африканские традиции. Подобная политика требует от верховной власти жесткости/жестокости по отношению к «своим» (Бочаров 2017: 109–117). Однако здесь возникают серьезные проблемы. Вертикаль («команда») рекрутируется «верховным» на основе личной преданности. Личностно-эмоциональный фактор связывает и членов команды, функционирующей в реальности на основе неписаного законодательства. Поэтому вся эмоциональная сфера лидера должна быть подчинена холодному расчету, способности проявлять твердость, так как это упрочивает вертикаль, а значит, и государство.

Не могу не затронуть идею так называемого «молодежного бугра», с которым увязывается «революционизм» Востока, о чем говорилось выше. Когда речь идет о молодежи, имеются в виду психологические свойства, характерные для мужского пубертата, хотя верхняя граница молодого возраста — 35 лет. Указанная концепция имеет один существенный недостаток: не проведены различия между социальным и биологическим возрастом, из-за чего непонятно, что же понимается под «молодежью». Приведу пример. На YouTube после событий «арабской весны» в Ливии был размещен ролик, на котором группа молодых парней и девушек, вооруженных автоматами Калашникова, радуется свержению М. Каддафи. Один из них, пританцовывая, произносит: «Наконец я смогу жениться!» Его биологический возраст — уж точно больше 30 лет. Он давно достиг требуемого для брака биологического возраста, можно предположить, что он — не бедняк (учитывая социальную направленность политики в Ливии при Каддафи). Однако брак на Востоке — до сих пор дорогая затея. По сведениям моих информантов в Тегеране, например, брачный калым сводится к покупке жилья, квартира же при этом, по их словам, «стоит очень дорого». Брачный статус до сих пор является главным маркером социальной полноценности. Иными словами, герой находится в низком («молодежном») статусе, несмотря на солидный биологический возраст, — это весомый мотив для действий по достижению гармонии.

Другим примером, подтверждающим, может быть, главную роль социальной, а не биологической молодежи в революции, является российский случай, обернувшийся распадом СССР. Его даже можно считать социальным экспериментом, поставленным в естественных условиях. Биологическая молодежь в данном процессе не участвовала вовсе, причем не только подростки, но и студенты — недаром события тех лет именуются «революцией сорокалетних». Думаю, что процесс политической социализации в СССР, который начинался с детского возраста (ср.

выражения вроде «дедушка Ленин»), работал эффективно. Если юношество и демонстрировало девиантное поведение, то только не в сфере политики.

Приведу еще пример из собственных полевых наблюдений. В 2011 г. во время «белоленточного» движения на улицы столиц (Санкт-Петербург, Москва) выходило, как известно, до сотни тысяч протестующих с политическими лозунгами (против В. Путина). Тогда молодежь студенческого возраста (17–25 лет) принимала в них активное участие. Сейчас же, обзаведясь семьями, они либо вовсе отошли от политики, игнорируя выборы, либо поддерживают существующую власть. У многих из них ипотека, другие кредиты, что, видимо, стимулирует тягу к стабильности.

По-моему, очевидный факт: поведение женатого человека лет 20–30, имеющего одного, а то и двух детей, коренным образом отличается от поведения персоны аналогичного биологического возраста. И наоборот: 40–45-летний холостяк скорее будет демонстрировать молодежное поведение. Позволю себе пример опять же из собственных полевых наблюдений и психологических переживаний, или из «автоэтнографических архивов». Наблюдения относятся к середине 1980-х гг. и сделаны мною во время призыва на военную переподготовку по специальности «военный переводчик». Тогда в «партизаны» были призваны люди в среднем от 30 до 55 лет. Многие признавались, что для них это была экскурсия в прошлое: вновь оказались солдатами, хотя большинство были «старлеями», некоторые — в звании капитана. Аналогичный вывод можно было сделать, наблюдая за их поведением со стороны: почтенные по возрасту люди, подчас обладавшие высоким социальным статусом «на гражданке», в данной ситуации вели себя как молодые солдаты — пререкались с офицерами (которые, как правило, были младше), ходили в «самоволки» для встреч с юными особами небольшого подмосковного городка, где проходила переподготовка, тайно от офицеров употребляли спиртные напитки, по ночам играли в карты, гордясь при этом проявлением «молодечества», и т. д. Короче говоря, сложившаяся ситуация очень походила на историю с машиной времени: вернувшись в молодость (социальную), участники эксперимента демонстрировали и соответствующее данному социальному статусу поведение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айриян Р. С., Савчук В. С. 1968 г.: «Бунт молодежи» или «Мировая революция»? // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 218–225.

- Анохин С. В.* Поколение как субъект политического процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2003. 23 с.
- Арсеньев В. Р.* Звери — боги — люди. М.: Политиздат, 1991. 160 с.
- Ачебе Ч.* Стрела бога. Человек из народа. М.: Прогресс, 1979. 379 с.
- Бердяев Н.* Национализм и империализм // Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918. С. 110–116.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Борисова Е. Г., Манюхин И. В.* Феномен «Болотной площади» как свидетельство формирования нового социально-политического типа в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 3. С. 129–144.
- Ботяков Ю. М.* Институт насилия в политической культуре туркмен: традиции и современность // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. 532 с.
- Бочаров В. В.* О культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране, М.: Наука, 1992а. С. 182–207.
- Бочаров В. В.* Власть. Традиции. Управление. М.: Наука, 1992б. 296 с.
- Бочаров В. В.* Антропология возраста. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001а. 196 с.
- Бочаров В. В.* Интеллигенция и насилие // Антропология насилия: социально-антропологический аспект. СПб.: Наука, 2001б. С. 39–88.
- Бочаров В. В.* Антропология насилия // Антропология насилия: социально-антропологический аспект. СПб.: Наука, 2001в. С. 497–532.
- Бочаров В. В.* Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006а. Т. 1. С. 172–218.
- Бочаров В. В.* Власть и возраст // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006б. Т. 1. С. 351–357.
- Бочаров В. В.* Иррациональность и власть в политической культуре России // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007а. Т. 2. С. 203–217.
- Бочаров В. В.* Колониализм: общественный и культурный процессы // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007б. Т. 2. С. 67–85.
- Бочаров В. В.* Общество и культура в эволюционном процессе // Антропологический форум. 2011а. Т. 14. С. 272–283.
- Бочаров В. В.* Женщина как ресурс мужской власти // Лидерство в архаике: условия и формы проявления. Теория и методология. СПб.: МАЭ РАН, 2011б. С. 99–117.
- Бочаров В. В.* Африка и Россия как субъекты культурального развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 3–14.
- Бочаров В. В.* Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 109–117.
- Васильев А. М.* Восстание в арабском мире: посеы и всходы // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы: материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (30 мая 2011 г.). М.: URSS, 2012. С. 8–17.

Выготский Л. С. Детская психология // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука Логики. Сочинения: в 14 т. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. Т. 5. 814 с.

Гиренко Н. М. Взаимодействие культуры и общества // Гиренко Н. М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб.: Carillon, 2004. С. 472–495.

Дольник В. Р. Естественная теория власти // Этнология.ру. 2004. URL: <https://ethnology.ru/library/?id=62&ysclid=m3zk5rjnez389231195> (дата обращения: 20.07.2024).

Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, 1976. 156 с.

Калиновская К. П. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этносы Восточной Африки. М.: URSS, 2018. 160 с.

Киндрова Л. В Ритмах Черной Африки. М.: Наука, 1985. 197 с.

Клейн Л. История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 744 с.

Кортаев А. В., Зинькина Ю. В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы: материалы конференции «Круглого стола». Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. М.: URSS, 2012. С. 28–40.

Кортаев А. В., Ходунов А. С., Бурсова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Арабская весна 2011 года. М.: URSS, 2012. С. 28–76. (Системный мониторинг глобальных и региональных рисков; вып. 3).

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 528 с.

Мисюгин В. М., Чернецов С. Б. «История галла» как этноисторический источник // Africana. Африканский этнографический сборник. Л.: Наука, 1978. Вып. 11. С. 184–186.

Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии тропической Африки // Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л.: Наука, 1973. С. 3–14.

Панцов А. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. 897 с.

Сорокин П. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград: Колос, 1922. 272 с.

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Чалидзе В. Иерархический человек. М.: Терра, 1991. 220 с.

Altrincham, Lord. Kenya's opportunity. Memories, hopes and ideas. London: Faber and Faber, 1955. 308 p.

Cassirer E. The myth of the state. New Haven: Yale University Press, 1946. 315 p.

Fallers L. A. Bantu bureaucracy: a century of political evolution among the Basoga of Uganda. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 302 p.

Feuer L. S. The conflict of generations: the character and significance of student movement. New York: Basic Books, 1969. 552 p.

Foner N. Ages in conflict: a cross-cultural perspective on inequality between old and young. New York: Columbia University Press, 1984. 305 p.

Herzog J. Traditionelle Institutionen und Nationale Befreiungs Revolution in Tanzania. Berlin: Akademie-Verlag, 1975. 314 S.

Hyden G. TANU yajenga nchi. Political development in rural Tanzania. Lund: Uniskol, 1968. 287 p.

Ingle C. R. From village to state in Tanzania: The politics of rural development. Ithaca; London: Cornell University Press, 1972. 291 p.

Goldstone J. A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.

Goldstone J. A. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 139–187.

Liebenow J. G. Colonial rule and political development in Tanzania: the case of the Makonde. Evanston: Northwestern University Press, 1971. 374 p.

Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes // The Psychoanalytic Review. 1970. Vol. 57, no. 3. P. 333–377.

Lwoga Ch. M. F. Bureacrats, peasants and land rights: a villagers' struggle for self determination // Villagers villages and state in Tanzania / ed. by R. G. Abrahams. Cambridge: African Studies Centre, 1985. P. 63–93.

Mosha H. J. TANU at the Grass Root Level: Vunjo Constituence Kilimanjaro // The party: essays on TANU / ed. by C. R. S. Muzo et al. Dar es Salam: Tanzania Publishing House, 1976. P. 19–31.

Richards A. I. Chisungu, a girls' initiation ceremony among the Bemba of Northern Rhodesia. London: Faber and Faber, 1956. 224 p.

Sorokin P. Leaves from a Russian diary: and thirty years after. Boston: Beacon Press, 1950. 346 p.

The strange death of Soviet communism: An autopsy / ed. by N. K. Gvosdev // The National Interest. 1993. No. 31: Special Issue. 144 p.

Wilson M. For men and elders: change in the relations of generations and of men and women among the Nyakyusa-Ngonde people, 1875–1971. New York: Africana Publishing Company for the International African Institute, 1977. 209 p.

REFERENCES

Achebe Ch. *Strela boga. Chelovek iz naroda* [The arrow of God. A man of the people]. Moscow: Progress Publ., 1979, 379 p. (In Russian).

Airiian R. S., Savchuk V. S. [1968: “Youth Revolt” or “World Revolution”?]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2018, no. 4, pp. 218–225. (In Russian).

Altrincham, Lord. *Kenya's opportunity. Memories, hopes and ideas*. London: Faber and Faber, 1955, 308 p. (In English).

Anokhin S. V. *Pokolenie kak sub'ekt politicheskogo protsessa v sovremennoi Rossii: avtoref. kand. dis.* [Generation as a subject of the political process in modern Russia: Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2003, 23 p. (In Russian).

Arsenyev V. R. *Zveri — bogi — liudi* [Animals — gods — people]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, 160 p. (In Russian).

Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniia* [Consumer society]. Moscow: AST Publ., 2020, 384 p. (In Russian).

Berdiaev N. [Nationalism and imperialism]. *Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The fate of Russia: Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: G. A. Leman i S. I. Saharov Publ., 1918, pp. 110–116. (In Russian).

Bocharov V. V. [On the cultural and psychological origins of Russian totalitarianism]. *Ugol zreniia. Otechestvennye vostokovedy o svoei strane* [An angle of view. Russian Orientalists about their country]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 182–207. (In Russian).

Bocharov V. V. *Vlast'. Traditsii. Upravlenie* [Power. Traditions. Management]. Moscow: Nauka Publ., 1992, 296 p. (In Russian).

Bocharov V. V. *Antropologiiia vozrasta* [The anthropology of age]. St. Petersburg: Izdate'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2001, 196 p. (In Russian).

Bocharov V. V. [Intelligentsia and violence]. *Antropologiiia nasiliia: sotsial'no-antropologicheskii aspekt* [The anthropology of violence: a socio-anthropological aspect]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, pp. 39–88. (In Russian).

Bocharov V. V. [The anthropology of violence]. *Antropologiiia nasiliia: sotsial'no-antropologicheskii aspekt* [The anthropology of violence: a socio-anthropological aspect]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, pp. 497–532. (In Russian).

Bocharov V. V. [The origins of power]. *Antropologiiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 t.* [The Anthropology of Power. Anthology of Political Anthropology: in 2 vols]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, vol. 1, pp. 172–218. (In Russian).

Bocharov V. V. [Power and age]. *Antropologiiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 t.* [The Anthropology of Power. Anthology of Political Anthropology: in 2 vols]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, vol. 1, pp. 351–357. (In Russian).

Bocharov V. V. [Irrationality and power in the political culture of Russia]. *Antropologiiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 t.* [The Anthropology of Power. Anthology of Political Anthropology: in 2 vols]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007, vol. 2, pp. 203–217. (In Russian).

Bocharov V. V. [Colonialism: social and cultural processes]. *Antropologiiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 t.* [The Anthropology of Power. Anthology of Political Anthropology: in 2 vols]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007, vol. 2, pp. 67–85. (In Russian).

Bocharov V. V. [Society and culture in the evolutionary process]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2011, vol. 14, pp. 272–283. (In Russian).

Bocharov V. V. [Woman as a resource of male power]. *Liderstvo v arkhaike: usloviia i formy proiavlennii. Teoriia i metodologiiia* [Leadership in the Archaic: conditions and forms of manifestation. Theory and methodology]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2011, pp. 99–117. (In Russian).

Bocharov V. V. [Africa and Russia as subjects of cultural development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], 2012, no. 3, pp. 3–14. (In Russian).

Bocharov V. V. [Power and taboo: on the cultural-psychological sources of traditionalism]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiiia* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 109–117. (In Russian).

Borisova E. G., Manjuhin I. V. [The phenomenon of “Bolotnaya Square” as evidence of the formation of a new socio-political type in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2016, no. 3, pp. 129–143. (In Russian).

Botiakov Ju. M. [Institute of violence in the political culture of Turkmen: traditions and modernity]. *Antropologiya nasiliia* [Anthropology of violence]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, 532 p. (In Russian).

Cassirer E. *The myth of the state*. New Haven: Yale University Press, 1946, 315 p. (In English).

Chalidze V. *Ierarkhicheskii chelovek* [Hierarchical man]. Moscow: Terra Publ., 1991, 220 p. (In Russian).

Dol'nik V. R. [The natural history of power]. *Etnologiya.ru* [Ethnology.ru]. 2004. Available at: <https://ethnology.ru/library/?id=62> (accessed: 01.07.2024). (In Russian).

Fallers L. A. *Bantu bureaucracy: a century of political evolution among the Basoga of Uganda*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 302 p. (In English).

Feuer L. S. *The conflict of generations: the character and significance of student movement*. New York: Basic Books, 1969, 552 p. (In English).

Foner N. *Ages in conflict: a cross-cultural perspective on inequality between old and young*. New York: Columbia University Press, 1984, 305 p. (In English).

Foucault M. *Volia k istine. Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth. Beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal' Publ., 1996, 448 p. (In Russian).

Girenko N. M. [Interaction of culture and society]. *Sotsiologiya plemeni. Stanovlenie sotsiologicheskoi teorii i osnovnye komponenty sotsial'noi dinamiki* [Sociology of the tribe. The formation of sociological theory and the main components of social dynamics]. St. Petersburg: Carillon Publ., 2004, pp. 472–495. (In Russian).

Goldstone J. A. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: University of California Press, 1991, 608 p. (In English).

Herzog J. *Traditionelle Institutionen und Nationale Befreiungs Revolution in Tanzania*. Berlin: Akademie-Verlag, 1975, 314 S. (In German).

Hyden G. *TANU yajenga nchi: political development in rural Tanzania*. Lund: Uniskol, 1968, 287 p. (In English).

Ingle C. R. *From village to state in Tanzania: the politics of rural development*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1972, 291 p. (In English).

Kalinovskaia K. P. *Vozrastnye klassy kak istoricheskaia forma obshchestvennoi organizatsii: etnosy Vostochnoi Afriki* [Age classes as a historical form of public organization: Ethnic groups of East Africa]. Moscow: URSS Publ., 2018, 160 p. (In Russian).

Kalinovskaia K. P. *Vozrastnye gruppy narodov Vostochnoi Afriki. Struktura i funktsii* [Age groups of the peoples of East Africa. Structure and functions]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 156 p. (In Russian).

Kindrova L. *V Ritmakh Chernoi Afriki* [In the rhythms of Black Africa]. Moscow: Nauka Publ., 1985, 197 p. (In Russian).

Klein L. *Istoriia antropologicheskikh uchenii* [The history of anthropological teachings]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2014, 744 p. (In Russian).

Korotaev A. V., Khodunov A. S., Bursova A. N., Malkov S. Yu., Khalturina D. A., Zinkina Yu. V. [Socio-demographic analysis of the Arab Spring]. *Arabskaia vesna 2011 goda* [Arab Spring 2011]. Moscow: URSS Publ., 2012, pp. 28–76. (Systematic monitoring of global and regional risks; iss. 3). (In Russian).

Korotaev A. V., Zinkina Yu. V. [Structural and demographic factors of the “Arab Spring”]. *Protestnyie dvizheniia v arabskikh stranakh. Predposylki, osobennosti, perspektivy: materialy konferentsii “Kruglogo stola”. Tsentri tsvivilizatsionnykh i regional’nykh issledovaniia Instituta Afriki RAN (30 maya 2011 goda)* [Protest movements in Arab countries. Prerequisites, features, prospects: Proceedings of the Round Table conference. Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (May 30, 2011)]. Moscow: URSS Publ., 2012, pp. 28–40. (In Russian).

Liebenow J. G. *Colonial rule and political development in Tanzania: the case of the Makonde*. Evanston: Northwestern University Press, 1971, 374 p. (In English).

Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes. *The Psychoanalytic Review*, 1970, vol. 57, no. 3, pp. 333–377. (In English).

Lwoga Ch. M. F. Bureacrats, peasants and land rights: a villagers’ struggle for self-determination. *Villagers villages and state in Tanzania*. Cambridge: African Studies Centre, 1985, pp. 63–93. (In English).

Marcuse H. *Eros i tsvivilizatsiia. Odnomernyi chelovek* [Eros and civilization. One-dimensional man]. Moscow: AST Publ., 2003, 528 p. (In Russian).

Misiugin V. M., Chernetsov S. B. [“The history of the Galla” as an ethnohistorical source]. *Africana. Arikanskii etnograficheskii sbornik*. Leningrad: Nauka Publ., 1978, vol. 11, pp. 184–186. (In Russian).

Mosha H. J. TANU at the Grass Root Level: Vunjo Constituence Kilimanjaro. *The party: essays on TANU*. Dar es Salam: Tanzania Publishing House, 1976, pp. 19–31. (In English).

Ol’derogge D. A. [Colonial society — a stage in the ethnic development of tropical Africa]. *Problemy naseleniia i khoziaistva stran Afriki* [Problems of the population and economy of African countries]. Leningrad: Nauka Publ., 1973, pp. 3–14. (In Russian).

Pantsov A. *Mao Tszedun* [Mao Zedong]. Moscow: Molodaia Gvardiia Publ., 2007, 897 p. (In Russian).

Richards A. I. *Chisungu, a girls’ initiation ceremony among the Bemba of Northern Rhodesia*. London: Faber and Faber, 1956, 224 p. (In English).

Sorokin P. *Golod kak faktor: vliianie goloda na povedenie liudei, sotsial’nuu organizatsiiu i obshchestvennuu zhizn’* [Hunger as a factor: the impact of hunger on human behavior, social organization and public life]. Petrograd: Kolos Publ., 1922, 272 p. (In Russian).

Sorokin P. *Leaves from a Russian diary: and thirty years after*. Boston: Beacon Press, 1950, 346 p. (In English).

The strange death of Soviet communism: An autopsy. *The National Interest*, 1993, no. 31: special issue, 144 p. (In English).

Vasiliev A. M. [The uprising in the Arab world: crops and seedlings]. *Protestnyie dvizheniia v arabskikh stranakh. Predposylki, osobennosti, perspektivy: materialy konferentsii “Kruglogo stola”. Tsentri tsvivilizatsionnykh i regional’nykh issledovaniia Instituta Afriki RAN (30 maya 2011 goda)* [Protest movements in Arab countries. Prerequisites, features, prospects: Proceedings

of the Round Table conference. Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (May 30, 2011)]. Moscow: URSS Publ., 2012, pp. 8–17. (In Russian).

Vygotskii L. S. [Child psychology]. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, vol. 4, 432 p. (In Russian).

Wilson M. *For men and elders: change in the relations of generations and of men and women among the Nyakyusa-Ngonde people, 1875–1971.* New York: Africana Publishing Company for the International African Institute, 1977, 209 p. (In English).

Wilson M. *Religion and the transformation of society: a study in social change in Africa.* Cambridge: Cambridge University Press, 1971, 165 p. (In English).

Submitted: 21.07.2024

Accepted: 16.08.2024

Published: 31.12.2024